

Междисциплинарные связи психологии и философии на примере инверсивного анализа

Севостьянов Дмитрий Анатольевич

Новосибирский государственный аграрный университет, Россия

e-mail: dimasev@ngs.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение в практической психологии философской концепции об инверсивных отношениях в иерархии. Это пример междисциплинарных связей философии и психологии. В статье показано, что психодиагностические исследования всегда строятся на основе инверсивных отношений в структуре психики и человеческой активности.

Ключевые слова: психология, философия, междисциплинарные связи, иерархическая структура, инверсии.

Interdisciplinary connections of psychology and philosophy on example of inverse analysis

Sevostiyanov Dmitry Anatolievich

Novosibirsk State Agrarian University, Russia

e-mail: dimasev@ngs.ru

Abstract. The article discusses the practical application of psychology to the philosophical concept of the inversive relationship in the hierarchy. This is an example of interdisciplinary connections of philosophy and psychology. The article shows that psychology studies are always based on inversive relations in the structure of the psyche and human activity.

Keywords: psychology, philosophy, interdisciplinary relations, hierarchical structure, inversion.

История психологической науки свидетельствует о том, что психология обособилась в самостоятельную науку после того, как получила первоначальное развитие в качестве своеобразного раздела философского

знания. Из материнского лоно философии вышла не только психология, но и ряд других дисциплин. Однако, как известно, философия от такого разделения наследства не обеднела и не исчезла, оставшись наукой о наиболее общих закономерностях бытия. Но при этом встает вопрос: каковы взаимоотношения философии и психологии на сегодняшний день? Каким образом философские концепции могут быть применены в психологических исследованиях?

Действительно, весьма часто работы, выполняемые в рамках психологической дисциплины, требуют весьма серьезного философского обоснования. Рассмотрим это на примере роли анализа инверсивных отношений в психодиагностике.

Психологические исследования, которые проводятся, например, с целью психодиагностического обеспечения управления персоналом, в частности, в ходе оценки, отбора и подбора персонала, а также развития персонала организаций, базируются на том значительном опыте, который уже накоплен в психодиагностике. Однако одних эмпирических данных при этом недостаточно. Необходим некоторый концептуальный философский базис, который позволяет исследователю не только определять характер и последовательность необходимых действий, но и понимать суть производимых изысканий, осознано подходить к достижению цели исследования и решению стоящих перед ним задач. Это позволяет более адекватно определиться и с целеполаганием в рамках исследования, и с оценкой полученных результатов. Для того чтобы успешно решать частные вопросы, необходимо сначала решить вопросы общие.

Человеческая личность, выступающая как объект психодиагностического исследования, представляет собой иерархическую систему; при этом в иерархических системах действуют определенные законы, которые находят в структуре личности, а также в структуре активности субъекта достаточно яркое выражение. В рамках человеческой личности могут быть обнаружены подструктуры большей или меньшей степени сложности, более и менее значимые в целом и актуальные в тот или иной момент, и различающиеся по множеству других разнообразных параметров. Множественность таких параметров позволяет говорить о том, что мы в данном случае имеем дело со сложной иерархической системой. Структура человеческой личности составляют частный случай отношений в такой сложной иерархической системе. То же самое можно сказать и о такой системе, как система человеческой активности, которая тоже имеет иерархическое строение [1]. В данной иерархии происходят многочисленные, не до конца изученные процессы, без понимания которых, однако, невозможно адекватное

представление о личности субъекта, проходящего процедуру психодиагностического тестирования. Поэтому неизменным условием для успешной психодиагностики следует признать наличие некоторого общего теоретического подхода, позволяющего анализировать особенности иерархических систем.

Одно из важнейших общих свойств сложных иерархических систем, в частности, системы активности человека и человеческой личности – способность образовывать инверсивные связи [4], что, в свою очередь, является объектом философского исследования. Инверсия – это такое положение в иерархии, при котором нижележащий элемент по какой-либо причине фактически начинает выполнять в иерархии главенствующую роль, формально не покидая при этом своей невысокой позиции. Иными словами, возникает противоречие между местом элемента в иерархии и его подлинной ролью в ней. Как показывает опыт исследования упомянутых выше систем, объединяемых в рамках системы «человек», подобные формы системных отношений вовсе не являются редкостью и встречаются во многих случаях, определяя собою облик данной системы.

Характер исходных связей в иерархии, тот первоначальный порядок, в котором выстроены иерархически соподчиненные элементы, здесь и далее будет обозначаться как ордер. Если в иерархической системе отсутствуют инверсии, то это означает, что в ней действуют только и исключительно отношения ордера.

Возможны ли такие чистые, сугубо упорядоченные отношения в иерархической системе? Такая первоначальная форма отношений присуща главным образом либо искусственно созданной иерархии в момент ее формирования, либо некоторой идеальной иерархии, которая может существовать лишь в теории, но не на практике. Отношения ордера могут быть единственной формой отношений также в примитивной иерархии, которая к сложным иерархическим системам не может быть отнесена. Однако сложные иерархические системы, такие, как личность человека или система его активности, на практике всегда включают в себя как исходные отношения ордера, так и инверсивные отношения во множестве разнообразных проявлений.

Нередко при исследовании иерархических систем, при составлении их концептуальных моделей учитываются одни только отношения ордера, инверсивные же отношения игнорируются. Полученная таким путем привлекательная на вид модель системы оказывается нерелевантной, не соответствующей реальным формам отношений. В этих условиях невозможно

создать сколько-нибудь адекватное отображение реально существующей иерархии: возникает категорическое несоответствие той системы, которая предлагается в теории, и той, которую мы видим на практике [5, С. 47-73].

Отношения ордера исключительно важны постольку, поскольку именно они определяют первоначальный образ системы, ее главную характеристику, ее идентичность, а если система создается искусственно – то и ее замысел. Вместе с тем, в дальнейшем в сложной иерархической системе так или иначе получают развитие инверсивные отношения, которые также составляют неотъемлемую часть облика системы в каждый конкретный момент ее существования. Развитие инверсивных отношений составляет суть внутренней динамики иерархической системы, тех процессов, которые образуют для данной системы ее жизненный цикл. Когда инверсивные связи приобретают в системе чрезмерное значение, система либо подвергается разрушению под воздействием накопившихся в ней внутренних противоречий, либо ставится перед необходимостью коренной трансформации. Это касается не только непосредственно систем человеческой личности или человеческой активности, но также затрагивает, например, социальные системы во всем их разнообразии.

Откуда же берутся в системе инверсивные отношения и как они возникают? Источником инверсий в системе становится характер задействованных в ней организационных принципов.

Организационные принципы в иерархической системе – это формальные основания, в соответствии с которыми тот или иной из соподчиненных элементов занимает в ней то или иное определенное место. В сложных иерархиях одновременно действует несколько организационных принципов. Вообще же в разнообразных иерархиях можно встретить весьма большое разнообразие организационных принципов, и составить их исчерпывающий перечень весьма затруднительно.

Так, например, композитарный принцип предусматривает, что вершину в иерархии занимает самый сложный элемент, нижние же этажи в этой системе достаются наиболее простым элементам. Количественным принципом обусловлено, что высшую позицию в иерархии занимает элемент, обогнавший все прочие в некоторых количественных накоплениях. Хронологический принцип означает, что высший элемент в иерархии существует в ней дольше всех остальных (возможно, и наоборот: высший элемент в иерархии может быть наиболее новым, самым «молодым» в ней и потому в наибольшей степени отвечает нынешним потребностям, возможностям и угрозам). Согласно пространственному принципу, высшее положение в некоторой, локализованной в пространстве иерархии займет тот элемент, который и находится в ней,

буквально, выше всех (как этаж в здании или пирамиде из кубиков). Согласно таксономическому принципу, элемент низшего уровня входит в элемент высшего уровня в виде составной части (как в армии батальоны входят в состав полков, а полки – в состав дивизий). Встречаются и другие организационные принципы, в разнообразных сочетаниях; составить их исчерпывающий перечень, применимый ко всем мыслимым иерархиям, едва ли возможно. Кстати, и применительно к одной определенной сложной иерархической системе далеко не просто выявить все без исключения действующие в ней организационные принципы: всегда может оказаться, что в данной системе задействован еще какой-либо организационный принцип, не выявленный сразу (или не предусмотренный первоначальным планом, если данная система создавалась искусственно).

Организационные принципы могут быть подразделены на сущностные и атрибутивные. Это деление позволяет определить, в каких случаях возможно возникновение инверсивных отношений, а в каких оно исключено.

Сущностный организационный принцип базируется на наличии у соподчиненных элементов в иерархии некоторых неотъемлемых, непременно присущих им свойств. Так, например, сущностным может быть назван упомянутый ранее хронологический организационный принцип. Некоторое определенное время существования присуще любому элементу в иерархии. Кроме того, время как процесс неостановимо и не может пойти вспять, и поэтому «старший» и «младший» элементы в иерархии не могут поменяться местами. Атрибутивный принцип, напротив, базируется на некоторых изменчивых, внешних свойствах. Например, количественный принцип – атрибутивный, поскольку один элемент может обогнать другой некоторыми количественными накоплениями. Скажем, богатый человек может занимать вершину в социальной иерархии, но его может опередить в этом отношении тот, кто богатеет быстрее. Он может и спуститься вниз по социальной лестнице просто потому, что разорился.

Если в некоторой иерархии представлены одни лишь сущностные принципы, то в ней могут существовать только отношения ордера, инверсивные отношения же в ней невозможны. Это застывшая в неподвижности иерархия, напоминающая египетскую пирамиду. Однако в сложных иерархиях, как правило, представлены и атрибутивные принципы. Когда сущностные принципы сочетаются с атрибутивными, инверсивные отношения становятся возможными (хотя изначально и не обязательными, если организационные принципы до поры до времени не противоречат друг другу). Сочетание нескольких атрибутивных принципов также способно породить

инверсивные отношения. Проявляются они в том случае, если, как уже сказано, действие одного принципа начинает противоречить действию другого. Понятно, что два сущностных принципа не могут начать противоречить друг другу, если не противоречили и прежде. Они неизменны и неподвижны, поскольку неизменны свойства соподчиняющихся объектов, на которых они базируются. Понятно также, что личность человека или система активности человека меньше всего похожа на такую «мертвую» иерархию.

Организационные принципы в той или иной иерархической системе могут различаться по своей значимости. Иными словами, они сами могут образовывать собственную иерархию – иерархию второго порядка. И в этой вторичной иерархии также действуют, в свою очередь, некоторые организационные принципы. Так, в системе организационных принципов, в свою очередь, действует таксономический принцип: одни принципы становятся частным выражением других. Скажем, имущественный организационный принцип является частным выражением количественного принципа. Одновременно действующие организационные принципы могут иметь в данной иерархии разную значимость – и это тоже означает действие в этой вторичной иерархии особого организационного принципа (назовем его прагматическим). Поэтому, кстати, инверсивные отношения в иерархии также могут иметь большее или меньшее значение по сравнению с отношениями ордера.

Чем иерархия сложнее, и чем больше, соответственно, действует в ней различных организационных принципов, тем выше вероятность, что в ней получат развитие инверсивные отношения. В мире существует множество иерархий; практически все известные нам системы имеют иерархическое строение, и одной из наиболее сложных иерархических систем следует назвать систему «человек». Поэтому неудивительно, что инверсивные связи в человеческой личности, в психике человека составляют ее неотъемлемую, важнейшую часть. Более того, человеческая личность, так же как и активность человека (и ряд более частных систем, таких как система ценностей или мотивов, присущих данному человеку) пронизывается инверсиями, что называется, снизу доверху. И вместе с тем, напротив, удивительно, что во многих исследованиях такие связи попросту игнорируются либо признаются малозначащими, а учитываются одни только отношения ордера.

Каково же практическое значение наличия инверсий в иерархической системе применительно к данной теме исследования? Дело в том, что вся техника оценки личности, применяемая в современной психодиагностике, базируется на наличии инверсий в структуре человеческой активности. Данное положение необходимо пояснить более подробно.

Структура человеческой активности, как уже говорилось выше, содержит в себе ряд соподчиненных иерархических уровней. Сущность этих уровней подробно описана в трудах выдающегося отечественного психофизиолога Николая Александровича Бернштейна (1896–1966) [1]. Каждый из этих уровней объединяет в себе набор движений сравнимой сложности; каждый из этих уровней имеет собственный исполнительный аппарат в структуре центральной нервной системе человека; каждый из них имеет собственное сенсорное обеспечение, позволяющее получать необходимую для данных движений информацию; наконец, каждый такой уровень являет собой, среди прочего, некую эволюционную ступень, некогда преодоленную в развитии нашими весьма далекими предками.

Всего Н.А. Бернштейн выделил пять таких уровней (в них, помимо этого, выделяются иногда и подуровни). Самый низший и эволюционно древний уровень А отвечает за тонус тела и его частей, за сократительную готовность мышц. Следующий уровень В позволяет совершать ритмические повторяющиеся движения (штампы), а во всяких других движениях он ответственен за синхронные сокращения мышц и мышечных групп. Уровень С осуществляет все перемещения в пространстве, т.е. локомоции (ходьбу, бег, прыжки), а кроме того, баллистические движения (бросание предметов в цель) и раздражательные движения. Уровень D, присущий уже только человеку, позволяет оперировать с орудиями труда. Наконец, уровень E (состоящий из ряда подуровней) обеспечивает символические действия – операции уже не с предметами, а с мыслительными формами, образами, понятиями.

В данной иерархии действует целый ряд организационных принципов, которые могут быть отнесены как к сущностным, так и к атрибутивным. Здесь представлены и композитарный принцип (высшие уровни сложнее низших), и количественный (чем выше расположен уровень, тем большее количество двигательных актов он способен осуществлять), и хронологический принцип (высшие уровни филогенетически моложе низших), и ряд других. Эти принципы могут действовать все в одном направлении, и тогда в данной системе сохраняются отношения ордера. Но нередко такие принципы начинают противоречить друг другу, и тогда возникает инверсия.

В каждом движении обычно находит применение не один, а сразу несколько моторных уровней. Если в данной иерархии сохраняются отношения ордера, то высший из уровней, представленных в двигательном акте, действует осознанно; низшие же, подчиненные уровни выполняют свою работу помимо сознания субъекта. Иногда, однако, в данной системе развивается инверсия, и тогда высший уровень сам может на время приобрести служебный,

подчиненный характер; его работа в этом случае не осознается, а нижележащий уровень, напротив, действует осознанно.

Именно такую картину мы наблюдаем во время процедуры психодиагностического тестирования. Особенно наглядно это выглядит при проведении графических (рисуночных) проективных тестов. Приведем простой пример. Скажем, испытуемый изобразил на рисунке человека, согласно полученному от психолога заданию; но у этого нарисованного человека оказались выпученные глаза (что в графической психодиагностике трактуется как проявление грубости, черствости) и оскаленные зубы (это многие авторы трактуют как проявление агрессии) [2]. Означает ли это, что испытуемый осознанно представил в рисунке эти признаки, желая показать психологу, проводящему тестирование, свои агрессивные намерения? Очевидно, нет. Испытуемый выполнял задание – изобразить фигуру топологического класса «человек», а это, согласно теории Н. А. Бернштейна – действие, в котором основная роль принадлежит уровню предметных действий D. Значимые же свойства этого изображения, получающие то или иное символическое толкование, проникают в его рисунок по большей части неосознанно, без намерения со стороны испытуемого что-либо специально символизировать данным изображением. Эти значения составляют фактическое содержательное наполнение высшего (символического) уровня E, который в результате инверсии попал в подчиненное, неосознаваемое положение.

Представим теперь, что в процессе психодиагностического исследования в активности испытуемого продолжают действовать исключительно отношения ордера. В этом случае производящий диагностическое исследование специалист получал бы от испытуемого только ту информацию, которую этот испытуемый намеренно и целенаправленно решил ему предоставить о себе самом. Нетрудно заметить, что прогностическая ценность такого исследования была бы очень невелика. Такое исследование никак не гарантировало бы, что испытуемый дает о себе действительно объективную информацию, даже и при его собственном желании быть объективным, и уж подавно не создавало бы никакой защиты от заведомой нечестности с его стороны. А поскольку при психодиагностическом обеспечении управления персоналом от результатов исследования при оценке, отборе и подборе персонала в определенном смысле зависит судьба испытуемого, в частности, перспектива его трудоустройства и/или карьерного продвижения, то ожидать от него объективности значило бы проявлять наивность и недопустимое легкоеверие – испытуемый в этом случае выступает как явно заинтересованная сторона.

Если в качестве психологического теста используются опросники, то принцип их применения, в сущности, тот же, хотя и представлен менее наглядно, чем при использовании тестовых рисунков. Обыкновенно диагностический опросник состоит из достаточно большого количества утверждений или вопросов, каждый из которых в отдельности носит частный характер; эти вопросы объединены в одну или несколько шкал. Количество вопросов, относящихся к каждой отдельной шкале, обычно таково, что испытуемый не может одновременно удерживать их в актуальном сознании. Для того чтобы еще более затруднить это удержание всей совокупности вопросов по отдельной шкале в актуальном сознании испытуемого, вопросы разных шкал обычно в хаотической форме перемешиваются между собой, а порой к ним еще добавляются лишние, неучитываемые, маскировочные вопросы. Ответы на каждый из значимых вопросов теста является частной операцией, находящейся в подчиненном иерархическом положении по отношению к обобщениям в рамках каждой шкалы и опросника в целом. Однако обработка этих шкал, которая и представляет собой операцию по обобщению материала, остается прерогативой психолога, специалиста по психодиагностике. В результате налицо инверсия: свойства личности испытуемого, изучение которых и является целью данного тестирования, умышленно отгесняются на второй план и не отображаются непосредственно в актуальном сознании самого испытуемого. На первый же план выходят лишь частности, представленные в отдельных вопросах или утверждениях опросника; будучи рассматриваемы по одному, эти вопросы не составляют в сознании испытуемого никакой целостной картины.

Итак, в основе психодиагностического тестирования лежит инверсия между конкретным и абстрактным; конкретные операции, составляющие (например, по представлениям Ж. Пиаже) [3; 6, С. 397] низший иерархический уровень, выходят на первое место и оставляют в тени формальные операции, относящиеся к высшему уровню. Это, собственно, и требуется для проведения адекватной процедуры психодиагностического тестирования. Таким образом, реализация инверсивных отношений в иерархической системе человеческой активности (а также в иерархии умственных операций) составляет концептуальную основу психодиагностического тестирования, что является весьма ярким примером роли философского обоснования исследований в практической психологии, а также междисциплинарных связей между философской и психологической дисциплинами.

Список литературы:

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.
2. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты. М.: Владос-Пресс, 2006. 160 с.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: РИМИС, 2008. 448 с.
4. Севостьянов Д. А. Инверсивное тело (философский анализ). Новосибирск: ООО Рекламно-издательская фирма «Новосибирск», 2009. 186 с.
5. Севостьянов Д. А. Противоречие и инверсия. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. 245 с.
6. Солсо Р. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 600 с.

References:

1. Bernshtejn N.A. Fiziologija dvizhenij i aktivnost'. M.: Nauka, 1990. 496 s.
2. Venger A.L. Psihologicheskie risunochnye testy. M.: Vlados-Press, 2006. 160 s.
3. Piazhe Zh. Rech' i myshlenie rebenka. M.: RIMIS, 2008. 448 s.
4. Sevost'janov D. A. Inversivnoe telo (filosofskij analiz). Novosibirsk: ООО Reklamno-izdatel'skaja firma «Novosibirsk», 2009. 186 s.
5. Sevost'janov D. A. Protivorechie i inversija. Novosibirsk: IC NGAU «Zolotoj kolos», 2015. 245 s.
6. Solso R. Kognitivnaja psihologija. M.: Trivola, 1996. 600 s.

Сведения об авторе:

Севостьянов Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия).